

Убийства на улице Морг

Что за песню пели сирены, или какое имя носил Ахиллес, скрываясь среди женщин, — вопросы сложные, все же ответ на них попытаться найти можно.

Сэр Томас Браун

Умственные способности, которые принято называть аналитическими, сами по себе с трудом поддаются анализу. Мы осознаем их только по результату, которого с их помощью удалось добиться. Помимо прочего известно, что для того, кто наделен ими в большой степени, они являются источником истинной радости. Как физически сильный человек находит удовольствие в своей силе, радуясь тем занятиям, которые требуют мышечного напряжения, так и аналитик наслаждается умственной работой, которая, что называется, «развязывает руки». Даже самые обычные занятия, позволяющие проявить свои способности, приводят его в восторг. Этот человек любит всяческие загадки, головоломки, шифры и проявляет в их решении такую проницательность, которая обычным людям кажется сверхъестественной. Полученные результаты, достигаемые путем использования четких и вполне определенных методов, кажутся основанными на интуиции.

Умение принимать решения, возможно, во многом подкрепляется математическим даром, в особенности тем наивысшим его проявлением, которое несправедливо и исключительно на основании обратного характера его действий, именуется анализом *par excellence*¹. И все же, для того чтобы анализировать, недостаточно просто уметь считать. К примеру, шахматист проделывает одно,

¹ В высшей степени проявления (фр.). (Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.)

даже не пытаюсь заняться другим. Из этого следует, что представление об игре в шахматы как очень полезной для ума, не всегда соответствует действительности. Но я пишу не научный трактат, а всего лишь предисловие к довольно необычному рассказу и основываю свои мысли на достаточно разрозненных наблюдениях, поэтому воспользуюсь случаем, чтобы заявить: незамысловатость шашек является гораздо более сильным и полезным стимулом для проявления высшей силы мыслящего разума, чем продуманная изощренность шахмат. В последних, где все фигуры ходят по-разному и имеют свой, к тому же изменяющийся вес, сложность принимается за глубину (обычная ошибка). Внимание играющего здесь целиком устремлено на игру. Стоит ему хоть на секунду отвлечься, и он может допустить оплошность, которая приведет к значительному ухудшению положения, а то и к проигрышу. Многообразию и сложности ходов лишь увеличивают шансы совершить подобную оплошность, и в девяти случаях из десяти побеждает тот игрок, который внимательнее, а не тот, который способнее. В шашках же, где ходы единообразны и почти не имеют вариаций, возможность ошибиться в результате недосмотра значительно меньше, и во время игры внимание практически роли не играет, превосходства добивается тот, кто сообразительней. Чтобы было понятнее, давайте представим себе игру в шашки, где на доске осталось четыре дамки; возможность случайной ошибки, разумеется, исключим. Вполне очевидно, что победа здесь (при условии, что силы игроков равны) будет достигнута только благодаря какому-нибудь *recherché*¹ ходу, в результате сильного напряжения разума. Лишенный привычных ресурсов, аналитик представляет себя на месте своего противника, отождествляет себя с ним и таким образом зачастую получает возможность с первого взгляда увидеть те комбинации (порой на удивление простые), которые дадут ему возможность заставить противника допустить просчет.

Давно замечено, что вист оказывает влияние на то, что называют математическими способностями. Многие люди, наделенные интеллектом наивысшего порядка, находят в этой игре необъяс-

¹ Продуманный, тонкий (*фр.*).

нимое удовольствие, считая шахматы слишком легкомысленным занятием. Вне всякого сомнения, ни одна другая игра не требует от играющих таких аналитических способностей, как вист. Лучший в мире шахматист может не обладать никакими другими выдающимися способностями, но мастерство в висте дает возможность добиться успеха в любой иной более важной области, где происходит столкновение интеллектов. Говоря «мастерство», я подразумеваю то совершенство в игре, которое включает в себя понимание всех источников, из которых может сложиться допустимое преимущество. Они не только многочисленны, но и разнообразны и нередко заключены в таких укромных уголках мысли, которые для обычного игрока совершенно недоступны. Тот, кто внимательно следит, точно запоминает, поэтому можно сказать, что шахматист, умеющий полностью сосредоточиться на игре, скорее всего, будет прекрасным игроком в вист, тем более, что правила Хойла (сами по себе основанные на механике игры) достаточно понятны и однозначны.

Таким образом, основным залогом хорошей игры в вист считаются крепкая память и четкое следование правилам. Однако второе условие еще не определяет таланта истинного аналитика. Во время игры он молча наблюдает и делает выводы. Однако, возможно, так же поступают и остальные участники игры, поэтому разница в объеме полученной информации по большому счету зависит не столько от глубины умозаключений, сколько от внимательности наблюдателя. Очень важно знать, за чем следует наблюдать. Наш игрок ничем себя не ограничивает, так же как (по-скольку главное все-таки — игра) не отбрасывает он и выводы, сделанные на основании факторов, не имеющих прямого отношения к игре. Он замечает выражение лица партнера, тщательно сравнивая его с выражениями лиц каждого из противников. Обращая внимание на то, кто как держит в руке карты, иногда по одним лишь взглядам, которые играющие бросают на свои карты, узнает, сколько у кого козырей и какого достоинства. Во время игры он подмечает малейшее изменение лиц; выражение уверенности, удивления, ликования или огорчения для него — повод для размышления. По тому, как рука берет взятку, аналитик узнает, может ли игрок, взявший ее, получить еще одну той же масти. Он

узнает о хитрости противника по тому, как тот бросает на стол карту. Нечаянное или неосторожное слово, случайно выпавшая или перевернутая карта, то, с каким чувством (волнением или беспечностью) игрок пытается эту карту скрыть, подсчет взяток с учетом их порядка, смущение, неуверенность, рвение или волнение — все это указывает ему на истинное положение вещей, хотя сам он этого может даже не осознавать. После первых двух-трех ходов он уже знает, какие на руках карты, и далее играет так уверенно, как если бы остальные участники играли в открытую.

Аналитические способности не следует путать с обычной находчивостью, поскольку, если аналитик в обязательном порядке находчив, то далеко не каждый находчивый человек способен анализировать. Умение придумывать или комбинировать, в котором чаще всего и выражается находчивость, и за которое, по мнению френологов (как я полагаю, ошибочному), считающих эту способность первичной, отвечает отдельный внутренний орган, до того часто встречается у тех, чей интеллект в остальном граничит с дебилизмом, что это даже привлекло к себе внимание писателей, затрагивающих темы морали и нравственных устоев. Разница между находчивостью и аналитическими способностями имеет тот же характер, что и разница между фантазией и воображением, только отличие это намного глубже. В самом деле, нетрудно заметить, что люди находчивые — всегда фантазеры, но действительно развитым воображением наделены исключительно аналитики.

Следующий рассказ для читателя станет чем-то вроде пояснения к изложенному суждению.

Весну и часть лета 18... я провел в Париже, где и познакомился с неким меье Ш. Огюстом Дюпенем. Этот юный господин был потомком знатного, даже знаменитого рода, однако после череды неблагоприятных обстоятельств он оказался в такой нужде, что заложенная в нем от природы энергия покинула его и он совершенно перестал интересоваться обществом или думать о том, как вернуть былое богатство. Благодаря любезности кредиторов ему была оставлена небольшая часть отцовского состояния, и тот скромный доход, который она приносила, позволял ему при условии строжайшей экономии сводить концы с концами, не задумы-

ваясь над тем, как поступать с избытком средств. Строго говоря, единственным, что все еще доставляло ему удовольствие, были книги, а в Париже доставать книги нетрудно.

Наша первая встреча состоялась в небольшой библиотеке на улице Монмартр, куда нас с ним привели поиски одной и той же замечательной и очень редкой книги. Мы начали видеться чаще, и меня очень заинтересовала его семейная история, которую он весьма подробно изложил мне с той откровенностью, в которую впадают французы, когда разговор заходит о них самих. Кроме того, меня поразила его необыкновенная начитанность, но самое главное — его неудержимый пыл и свежесть воображения заставили меня почувствовать необычный душевный подъем. Мне, занятому в Париже своими собственными интересами, показалось, что общество этого человека будет для меня поистине бесценной находкой, и я откровенно признался ему в этом. В конце концов мы решили, что, пока я нахожусь в городе, мы будем жить вместе, и, поскольку мои обстоятельства были не такими стесненными, как у него, мне было позволено взять на себя расходы на аренду и обстановку в стиле, соответствующем нашей общей с ним задумчивой хандре, причудливого, изъеденного временем дома, который из-за каких-то суеверий, в суть которых вникать мы не стали, давно был оставлен предыдущими жильцами и доживал свой век в уединенном и безлюдном районе Сен-Жерменского предместья.

Если бы люди узнали, как мы с ним жили в этом месте, нас бы посчитали сумасшедшими... Впрочем, возможно, сумасшедшими безобидными. Наше затворничество было полным. Гости мы не принимали, более того, я тщательно скрывал от своих прежних знакомых местоположение нашего убежища, а о Дюпене в городе давно позабыли, да и сам он уже много лет не вспоминал о парижском обществе. Мы с ним существовали в своем собственном мире.

У моего друга была одна странная причуда (как еще я могу это назвать?): его притягивала к себе Ночь; постепенно этой *bizarrierie*¹, как и всем остальным его странностям, поддался и я,

¹ Странность, причудливость (фр.).

позволив его диким чудачествам захватить себя с головой. Черная богиня не желала находиться с нами постоянно, но мы могли подделывать ее присутствие. С первым лучом зари мы закрывали все грязные ставни старого здания, зажигали пару тонких свечек, которые источали сильный аромат, но отбрасывали лишь слабый, призрачный свет, и погружались в полусон, читали, писали или беседовали, пока бой часов не предупредил нас о приближении истинной Тьмы. После этого мы рука об руку отправлялись на улицу, продолжая дневные разговоры, или бродили до самой поздней ночи, уходя далеко в поисках того бесконечного возбуждения, которое может дать разуму созерцание диких огней и теней многолюдного города.

В такие минуты я не мог не восхищаться удивительным аналитическим даром Дюпена, хотя, хорошо зная умозрительную природу его мышления, был к этому готов. Ему и самому, похоже, доставляло искреннее удовольствие если не выставлять напоказ, то, по крайней мере, демонстрировать свои способности, и он никогда не скрывал, какую при этом испытывал радость. С негромким отрывистым смешком он говорил мне, что видит большинство людей насквозь, как если бы у них на груди было окно, через которое ему не составляло труда заглянуть им в душу, и, как правило, подтверждал это заявление каким-нибудь прямым и в высшей степени удивительным доказательством того, что моя собственная душа для него — открытая книга. Когда разговор доходил до этой точки, он обычно становился холодно-отстраненным, взгляд его устремлялся вдаль, в то время как голос, обычно глубокий тенор, срывался на фальцет, который можно было бы посчитать недовольным, если бы не четкость и ясность произношения. Глядя на него в таком настроении, я часто вспоминал старинное философское учение о двойственности души и развлекался тем, что представлял себе Дюпена, распавшегося на две части: созидательную и разрушительную.

Не подумайте, будто за тем, что я рассказал, кроется какая-нибудь загадка, я вовсе не собираюсь превращать своего знакомого в некий романтический образ. Все описанные мною качества француза были всего лишь следствием работы его возбужденного, а возможно, и нездорового разума. Впрочем,